

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
АДМИНИСТРАТИВНОГО
И ПОЛИТИЧЕСКОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА В ЭСТОНИИ**

Илья Никифоров

Москва
2018

УДК 316.334: 34 (474.2)
ББК 66.3(4 Эст)3
Н 62

*Научные доклады
Российской ассоциации прибалтийских исследований
Серия 1. Внутренняя и внешняя политика*

Никифоров И. В.
Н62 Законодательные инструменты административного и политического регулирования прав использования русского языка в Эстонии / предисл. Н.М. Межевича. — М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2018. — XX с. — (Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. Серия 1. Внутренняя и внешняя политика. Вып. 4).

ISBN 978-5-907028-83-8

В данном препринте представлен доклад, посвященный анализу языковых аспектов в этнополитике Эстонской Республики на законодательном уровне. В процессе исследования Илья Никифоров (Таллин) отметил прикладной характер законодательства и подробно рассмотрел законодательные инструменты административного и политического регулирования прав использования русского языка в Эстонии. По острому в политическом отношении вопросу о дальнейшей возможности получения образования на русском языке автор приходит к выводу, что эстонские законодательные нововведения последних лет существенно усилили ее зависимость от принятия или не принятия соответствующих административно-политических решений на всех уровнях, от местных органов власти до министерств и правительства в целом.

УДК 316.334: 34 (474.2)
ББК 66.3(4 Эст)3

© Никифоров И. В., 2018.
© Российская ассоциация
прибалтийских исследований, 2018.
© Ассоциация книгоиздателей
«Русская книга», 2018.

ISBN 978-5-907028-83-8

Предисловие

Положение русскоязычного населения является одной из важнейших проблем внутренней политики государств Прибалтики и прежде всего Эстонии и Латвии. Одновременно это и важный аспект их взаимоотношений с Россией, который привлекает к себе внимание политиков, ученых, граждан.

Дискриминация русскоязычных в Эстонии и Латвии возникла сразу же после августа 1991 года. До тех пор, пока вектор политических процессов в 1987—1991 гг. не определился, даже радикальные элементы охотно пользовались услугами нетитульного населения. Вопрос о том, где была бы сегодня независимость Эстонии и Латвии, если бы сотни тысяч граждан СССР ее не поддерживали прямо или косвенно, уже стал риторическим. Важно другое. Новые власти приняли решение об отказе в автоматическом предоставлении гражданства и об утверждении латышского и эстонского языков в качестве единственных официальных языков. Новые независимые республики начали проводить политику построения этнократических государств. Знание языка титульной нации стало также одним из условий натурализации, начавшейся в середине 1990-х годов в Латвии и Эстонии. Однако в последние годы власти усилили системный языковой прессинг в отношении жителей собственных стран.

Один из наиболее авторитетных эстонских политологов — Рейн Руутсоо, анализируя эстонскую политику в области гражданства и языковую политику, прямо заявлял, что сущность эстонской государственности выражена через подчеркивание коллективных целей эстонцев как представителей определенного народа и привилегий эстонцев как лиц, принадлежащих к определенному этносу. Из восьми положений конституции Эстонии, в которых Руутсоо увидел указанные цели и привилегии, четыре напрямую связаны с эстонским языком. Однако ошибочно предполагать то, что для политического класса Эстонии нужен «русский эстонец-мелец, знающий эстонский язык». Политическому классу Эстонии нужен человек с разрушенной идентичностью (хорошо, если и без гражданства), способный к неквалифицированной работе, но не способный к выражению своего мнения по вопросам более сложным, чем пользование кредитом или уборка улиц. В новой

Эстонии сделано все для того, чтобы идентичность этнических меньшинств не реализовывалась в создании ими своей элиты, воспроизводстве интеллигенции, развитии системы национально-культурных обществ, образовательных учреждений, средств массовой информации.

Вопросы языковой политики в Эстонии, Латвии, Литве имеют не только самостоятельное значение, но и являются важным, а может быть, одним из важнейших, индикаторов общей политической ситуации в соответствующих странах. С нашей точки зрения, ограничения в языковой сфере — не классический, однако, крайне важный признак оккупации. Террор в сфере языковой политики начался сразу после оккупации Германией Польши в ходе Второй мировой войны. Равным образом, отсутствие языковых ограничений или их недостаточная выраженность свидетельствуют о том, что перед нами политико-правовой режим, к классической оккупации не относящийся. С моей точки зрения, эти примеры встречались в сложной системе моделей немецкой оккупации Европы в 1938–1945 гг.

Дискриминация иноязычного населения в каждой из трех стран сугубо различна. В Литве это явление носит локальный характер и направлено на польское и русское меньшинство. Возможности сопротивления, минимальные в Литве, достаточно значительны в Эстонии и особенно Латвии, где сторонники этнической, а значит, и языковой унификации ограничены в своих возможностях.

Игнорирование европейских норм и введение жестких языковых практик, которых не было даже во времена авторитаризма тридцатых годов прошлого века, следует признать неслучайным. Перед нами новая модель решения политическим классом Эстонии, Латвии своих задач, связанных с удержанием власти любой ценой. Для этого нужно, во-первых, максимально преобразовать общественное мнение титульного населения, во-вторых, не дать право голоса всем остальным (или нивелировать его при составлении правящих коалиций). Именно этой проблематики и практик касается исследовательский текст И. Никифорова, выдержанный в спокойном аналитическом тоне. Как справедливо подчеркивает автор, *«законодательство о языке и языковая политика играют в современной Эстонии важнейшую роль в этнополитике, т.е. в проводимой властями политике в области строительства национальной государственности, в публичной коммуникации, в политике, в сфере образования и культуры. Языковая политика и законодательство задают как стратегический вектор национального строительства в отно-*

шении титульной нации, так и долгосрочную политику в отношении национальных и лингвистических меньшинств, прежде всего русского населения республики».

Предваряя текст научного доклада нашего коллеги, следует отметить, что к настоящему времени сложилась высокая степень кодификации политики в сфере употребления эстонского и иных языков в общественной, политической, экономической и культурной жизни этой страны. Законодательство последовательно и системно распределяет права и обязанности в регулировании использования государственного и иностранных языков между различными субъектами права, государственного и муниципального управления, бизнеса и культуры, а также в отношении субъектов, представляющих т.н. «третий сектор». Да, «островки» русского языка сохраняются, к примеру, как пишет автор, *«при задержании, дознании и судебном производстве государство обеспечивает языковые права подсудимых, т.е. русскоговорящий правонарушитель будет обеспечен ведением уголовного процесса с использованием русского языка вплоть до получения на руки приговора суда. В дальнейшем же, отбывая наказание в одной из тюрем Эстонии, он столкнется с тем, что делопроизводство в тюрьме будет вестись на эстонском языке, администрация будет отказываться принимать письменные жалобы и заявления на русском языке».*

Гипотеза автора предполагает, что языковая политика прежних, нынешних и, эвентуально, будущих властей Эстонии исходит не столько из духа, буквы и нормы закона (системы языкового законодательства), сколько из учета потребностей текущей политики. И вот здесь еще раз укажем на цели этой политики. Главная задача политического класса Эстонии — консервация собственного контроля на политических, а главное, экономических ресурсах. Борьба с русским языком есть сублимация желания того, чтобы нетитульное население стало как можно более незаметным, а то и вообще каким-то образом исчезло...

Ассоциация прибалтийских исследований благодарит И. Никифорова за возможность ознакомиться и ознакомить наших читателей с актуальными проблемами языковой политики в Эстонии.

**Профессор Н.М. Межевич,
президент Российской ассоциации
прибалтийских исследований**

Введение

Законодательство о языке и языковое регулирование в целом играют в современной Эстонии важнейшую роль в **этнополитике**, т.е. в проводимой властями политике в области строительства национальной государственности, в публичной коммуникации, в сфере образования и культуры. Языковая политика и законодательство задают как стратегический вектор национального строительства в отношении титульной нации, так и долгосрочную политику в отношении национальных и лингвистических меньшинств, прежде всего русского населения республики.

Предваряя анализ конкретных законодательных актов, следует отметить, что к настоящему времени сложилась высокая степень кодификации политики в сфере употребления эстонского и иных языков в общественной, политической, экономической и культурной жизни страны. Законодательство последовательно и системно распределяет права и обязанности в регулировании использования государственного и иностранных языков между различными субъектами права, государственного и муниципального управления, бизнеса и культуры, а также в отношении субъектов, представляющих т.н. «третий сектор».

В качестве обоснованного предположения (рабочей гипотезы) мы утверждаем, что языковая политика прежних, нынешних и, предположительно, будущих властей Эстонии исходит не столько из духа, буквы и нормы закона (системы языкового законодательства), сколько из учета потребностей текущей политики; складывающейся неблагоприятной общереспубликанской и региональной демографической ситуации; потребностей стабильного и устойчивого административного управления и экономической конъюнктуры, особенно на рынке труда. Законодательство в этом смысле не является ни самоцелью, ни движущим мотивом, но лишь достаточно эффективным и гибким инструментом. Таким образом, языковое законодательство в эстонской этнополитике носит прежде всего инструментальный характер и в принципе может существенно менять вектор языковой политики от абсолютного моноязычия до гибкой коммуникативной иерархии с выраженными элементами социально-культурной субординации.

Основные положения исследования

Концепция национального государства в случае Эстонской Республики признает статус государственного языка, официального языка делопроизводства и языка межнационального общения исключительно за эстонским языком. В отношении официального языка делопроизводства законом допускаются в отдельных случаях незначительные послабления. Немногочисленные права и многочисленные обязанности в языковой сфере регулируются разнообразными законами и подзаконными актами. Основными законодательными актами, регулирующими языковую политику, являются Конституция Эстонии, Закон о языке, группа законов об образовании, законодательство о судебном делопроизводстве и т.д. Свободной от правового регулирования употребления государственного языка остается лишь частная жизнь.

Юридически русский язык в Эстонии имеет статус иностранного, ибо таковым согласно ст. 5 п. 1 Закона о языке является любой язык, кроме эстонского языка¹. Иного правового статуса русский язык в Эстонии не имеет и в законодательстве как таковой не упоминается. На практике же, за рамками законодательного регулирования, сужающаяся сфера применения русского языка и по сегодняшний день покрывает часть устного государственного и муниципального делопроизводства, сферу образования и, разумеется, область межнационального общения и медийной коммуникации.

Закрепленный в законодательстве статус единственного государственного языка эстонский язык приобрел практически сразу после восстановления независимости. Политическое и административное вытеснение русского языка из публичной

¹ Строго говоря, термином для обозначения иного, чем эстонский язык, не является понятие «иностраный язык». Эстонское слово *võõrkeel*, которое традиционно переводится близким по смыслу термином «иностраный язык», в прямом переводе означает «чужой язык». На исторической территории Эстонии веками звучали и использовались, в том числе и в официальном делопроизводстве, немецкий, шведский, русский языки, звучали финский, латышский, польский и т.д. Таким образом, эстонскому языку противопоставляются не «иностраные» в строгом понимании этого слова языки, а «чужие» — неэстонские — языки.

жизни, из официального делопроизводства, из среднего и высшего образования также стартовало в начале 1990-х годов. Однако и русские гимназии, и государственное высшее образование существовали до 2011 года, до 2020 года юридически сохраняется и профессионально-техническое образование на русском языке. В значительной степени эстонское законодательство, касающееся употребления русского языка, приобрело действующий сегодня вид в период с 2011-го по 2016 гг. Именно в этот период был ужесточен Закон об основной школе и гимназии, пересмотрен Закон о частной школе, принята действующая редакция Закона о профессиональном учебном заведении, внесены ограничивающие использование русского языка положения в Закон об университете и в Закон о прикладной высшей школе.

Демографические особенности задают в Эстонии такую языковую ситуацию, которая в условиях правовой системы ориентированной на моноязычное и монокультурное национальное государство, делает неизбежными напряжения в языковой сфере и воспроизводит постоянный конфликт как минимум на два-три поколения. Две переписи населения (2000-го и 2011 гг.), прошедшие в Эстонии после восстановления независимости, показали, что по сравнению с данными переписи 1989 года доля населения республики, для которой русский язык является родным, сократилась с 35% до 30%. При этом надо отметить, что в последние годы эта доля стабилизировалась и дальнейшего значимого сокращения не происходит. Так, по состоянию на 1 января 2017 года численность этнических эстонцев в населении республики сократилась до 904 639 человек. Численность этнических русских составила 330 206 человек, а представителей других национальностей — 68 012 человек¹. В населении республики, по данным переписи населения 2011 года, преобладают две лингвистические группы, для одной родным является эстонский язык (68%), а для другой — русский (30%). На прочие родные языки, в т.ч. и языки стран Евросоюза, приходится 2%. Также следует отметить, что доля этнических русских в Эстонии по состоянию на 1 января 2017 г. составила 25% всего населения. Таким образом, существенная часть представителей иных национальных меньшинств в ходе переписей населения указывает в качестве родного именно русский язык. Молодые поколения представителей нерусских национальных меньшинств в большинстве называют родным не язык своей

¹ База данных Департамента статистики ЭР: URL: www.stat.ee (дата обращения: 27.09.2017).

этнической группы и не эстонский язык, а — русский. В этом проявляется «языковая ассимиляция нерусских меньшинств»¹.

Владение эстонским языком «нетитульными» жителями республики в промежутке между переписями 1989 г. и 2011 г. стремительно выросло с 15% до 42%, включая тех местных этнических русских, для которых эстонский язык был родным, и тех, кто владеет языком лишь на бытовом уровне. Свободно владеют эстонским языком, по данным *Мониторинга интеграции* 2017 года, (по собственной оценке) лишь 16% русскоязычных жителей страны старше 15 лет, говорят, понимают и читают еще 25%. Совсем не знают эстонского языка примерно 10%. Примечательно, что за последние шесть лет доля свободно владеющих эстонским выросла незначительно, а группа вовсе не знающих эстонского уменьшилась в полтора раза. Добавилось тех, кто, по самооценке, понимает и немного говорит. Эта группа составляет примерно треть русскоговорящего населения².

Исследования, проводимые в рамках мониторинга интеграции, в 2017 году продемонстрировали некоторый рост вовлеченности русскоязычного населения в политическую и общественную жизнь страны. Тем не менее представители меньшинств (преимущественно русское население) только в 19% случаев заявили о равенстве с эстонцами в том, что касается возможности заниматься политической деятельностью; 32% респондентов считают, что у русских и эстонцев равные возможности участия в принятии решений на уровне местных самоуправлений, и 48% выразили мнение о равенстве русских и эстонцев в праве участвовать в гражданских объединениях.

Согласно свежим данным *Мониторинга интеграции* 66% опрошенных представителей русскоязычного населения уверены, что доходы и материальное благополучие у эстонцев лучше, чем у русских жителей страны, и у эстонцев больше возможностей получить хорошую работу. Те из русских жителей, кто владеет эстонским языком, настроены более позитивно, и о неравенстве с эстонцами говорят 64%, тогда как среди тех, кто не владеет, — 77%.

85% жителей Эстонии — граждане страны. 6% населения — лица без гражданства (лица, не определившиеся с гражданством).

¹ Русскоязычное население Эстонии и права национальных меньшинств. Сборник, посвященный 20-летию Центра информации по правам человека. Таллин, 2014. С. 32.

² Мониторинг интеграции 2017 / Eesti Integratsiooni monitoring 2017: URL: www.kul.ee/et/EIM2017 (дата обращения: 20.04.2018).

Остальные 9% — иностранцы. В подавляющем большинстве — граждане РФ. На протяжении последних нескольких лет отказ от ходатайства об эстонском гражданстве от 41 до 46% лиц без гражданства объясняют прежде всего сложностями экзамена на знание эстонского языка. Столько же указывают в качестве причины отсутствие препятствий для проживания в Эстонии без гражданства.

Отметим, что избирательная активность русских граждан Эстонии практически такая же, как и у эстонцев: чуть ниже на национальных парламентских выборах и полностью идентичная на выборах в Европарламент и на муниципальных выборах. В последних участвуют в качестве избирателей лица без гражданства, а также постоянно проживающие в стране граждане РФ и других стран.

В Эстонии язык официального делопроизводства, равно как и государственный язык — эстонский. Конституция Эстонской Республики в первой главе основного закона, среди положений, устанавливающих основные принципы национальной государственности, постулирует эстонский язык как единственный государственный (ст. 6). В преамбуле Конституции указано, что одной из важнейших целей эстонской государственности является «сохранность эстонской нации, языка и культуры на века».

В связи с этим основным и единственным языком официального делопроизводства во всех сферах государственного и муниципального управления, а также в публичной сфере является эстонский язык. Под официальным делопроизводством эстонское законодательство в целом понимает делопроизводство в государственных, муниципальных и приравненных к ним организациях и учреждениях, а также в суде, нотариате и т.д.¹ Также официальным языком законодательство считает язык, на котором граждане, постоянные жители, а также лица, временно пребывающие в стране, могут обращаться в государственные и муниципальные учреждения и получать ответы. И в данном случае это — эстонский язык. Исключение до недавнего времени предоставлялось лишь для английского языка в случае подачи ходатайства о бесплатной государственной юридической помощи.

Соблюдение выполнения требований Закона о языке в отношении физических и юридических лиц контролирует специальный орган — Языковая инспекция², обладающая правами кон-

¹ Закон о языке. Ст. 4, п. 1.

² Там же, ст. 30, п. 1.

троля и вынесения административных наказаний в виде штрафов или предписаний — вплоть до требования расторжения трудовых договоров с владеющими эстонским языком в недостаточной степени работниками. Неисполнение требований и предписаний Языковой инспекции, в свою очередь, наказывается штрафами. Чаще всего объектом проверок языковой инспекции были работники, задействованные в публичной сфере и сфере обслуживания, например продавцы магазинов, таксисты, медицинские работники, школьные педагоги и педагоги детских садов. Также наибольшая активность Языковой инспекции прослеживается в регионах компактного проживания русского и русскоязычного населения — на северо-востоке Эстонии, в Таллине и его пригородах. В опубликованном отчете за 2016 год Языковая инспекция указывает, что ею было за отчетный год проведено 2425 инспекций в порядке надзорного производства, составлено 1897 актов о контроле степени владения эстонским языком, из них в 1721 случае были зафиксированы нарушения Закона о языке. В порядке первичного контроля было составлено 763 акта, в порядке проверки еще 1134 акта. В школах и детских садах за 2016 год Языковая инспекция проверила по всей Эстонии 1087 педагогов (из них 1050 в муниципальных или государственных учебных заведениях и 37 в частных). «Всего было выявлено 998 педагогов, не соответствующих требованиям, предъявляемым к знанию эстонского языка (92% из проверенных), из них 966 нарушителей в государственных и муниципальных школах и 32 в частных учебных заведениях»¹. Был проверен 51 работник здравоохранения. Также был обнаружен целый ряд несоответствий требованиям о владении эстонским языком, вынесены предупреждения, предписания и наложены денежные штрафы. Активно проверялись работники муниципальных и государственных учреждений (137 случаев), пожарные и спасатели (58 случаев), работники торговых сетей (из 332 проверенных выявлено 228 нарушителей), работники общественного транспорта и таксисты (из 60 проверенных выявлено 53 нарушителя) и т.д.

Положение русского лингвистического меньшинства в Эстонии неоднократно вызывало озабоченность международных правозащитных организаций. Так, опубликованное 12 ноября 2011 года *Третье мнение по Эстонии Консультативного комитета Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств* прямо указывало в пункте 199 на немедленное применение более сба-

¹ URL: www.keeleinsp.ee (дата обращения: 11.02.2018).

лансированного подхода к укреплению государственного языка и предоставление национальным меньшинствам гарантий говорить и использовать свой язык в публичной сфере и в контактах с властями. Так власти Эстонии призывались к тому, чтобы серьезно рассмотреть вопрос о ликвидации Инспекции по языку.

Конституция Эстонии предполагает две возможности использования иного, чем эстонский язык, языка в официальном делопроизводстве, например русского языка. Во-первых, согласно ст. 51 в регионах, где не менее половины постоянных жителей составляют представители национального меньшинства, «каждый имеет право получать ответы от государственных учреждений, местных самоуправлений и их должностных лиц также на языке этого национального меньшинства». Во-вторых, статья 52 допускает в регионах, где эстонский язык не является языком большинства, для местных самоуправлений в установленном законом порядке ведение внутреннего делопроизводства также и на языке большинства постоянного населения этих регионов.

Эти положения Конституции изначально оказались нереализуемыми на практике. Понятие национального меньшинства в эстонском законодательстве не раскрыто, при этом в Законе о культурной автономии под национальным меньшинством подразумеваются только граждане Эстонии, хотя Государственный суд и отметил, что ограничительное понятие национального меньшинства не может быть использовано, например, в отношении языка. Однако действующий Закон о языке зафиксировал в ст. 5 ч. 3, что представителем национального меньшинства, в понимании этого Закона, является только гражданин Эстонии, «который обладает длительными, прочными и продолжающимися связями с Эстонией и отличается от эстонцев языком. В качестве постоянного жителя действующий Закон о языке понимает как граждан Эстонии, так и иностранцев, проживающих на основании постоянного вида на жительство.

С учетом эстонской специфики в таких городах как Нарва, с абсолютным преобладанием этнически русского населения (84%), граждане республики любой национальности в настоящее время составляют лишь 47% населения¹. Таким образом, формально русские граждане Эстонии (которых и только которых можно считать представителями национального меньшинства), проживающие в Нарве, составляют меньше половины населения и не

¹ По данным регистра народонаселения. Narva arvudes 2013 = Narva in figures 2013. P. 9.

могут претендовать на введение русского языка как второго языка официального делопроизводства в данном местном самоуправлении.

Применительно к волости Йыхви Языковая инспекция, например, заявила, что только в том случае, если численность этнических русских граждан Эстонии составит на 1 января 2017 года больше половины от всех жителей волости, там возникнет право дополнительно использовать русский язык в устном или письменном делопроизводстве¹. В настоящее время численность русских граждан ЭР в этой волости меньше, чем половина всего населения, хотя численность русского населения больше половины. В эту группу входят как граждане ЭР, так и граждане РФ и лица без гражданства.

До 31 декабря 2017 года существовало несколько малочисленных сельских самоуправлений в регионе Причудья, где могли быть формально соблюдены требования закона, где местное русское коренное население составляло большинство, и где сельские власти фактически официально общались с местными жителями на русском языке, не нарушая требований эстонского законодательства. Однако в результате административной реформы и слияния волостей в более крупные самоуправления с 1 января 2018 года мелкие самоуправления с преобладанием местного русского коренного населения перестали существовать. В новых самоуправлениях коренное русское сельское население заведомо оказывается в меньшинстве, утрачивая фактически права обращаться к местным властям на русском языке, получать ответы на русском языке и требовать ведения официального делопроизводства также и на русском языке, хотя формально такое право законодательством предусмотрено при соблюдении всех изложенных выше условий.

Если исходить из норм Конституции и Закона о языке, которые хоть и предусматривают право официального использования языков меньшинств в делопроизводстве государственных органов и органов местного самоуправления, законодательные ограничения, налагаемые на возможности реализации этого права в настоящее время и в перспективе, исключают возможность

¹ Мнение Языковой инспекции изложено в публикации: Заключение: я много лет пытаюсь доказать, что не владею эстонским, но не могу: URL: <https://rus.postimees.ee/4023777/zaklyuchenny-ya-mnogo-let-pytayus-dokazat-chto-ne-vladeyu-estonskim-no-ne-mogu> (дата обращения: 30.09.2017).

функционирования русского языка как законного второго официального языка практически на всей территории Эстонии: от Таллина до Мехикорма, от Нарвы до Маарду.

На практике же прежде всего органы местного самоуправления и представительства органов государственного управления, а также нотариусы и судебные исполнители в той или иной степени предоставляют возможность русскоязычным жителям городов и волостей Эстонии обращаться на русском языке, получать ответы и необходимую информацию также на русском языке путем устного общения и устных разъяснений. Такое право на ведение устного делопроизводства предусмотрено ст. 12 п. 4 Закона о языке, но только в том случае, если обе стороны согласны на это. В случае отказа со стороны государственного или муниципального служащего общаться на русском языке русскоязычный житель Эстонии обязан сам оплатить переводчика. В регионах компактного проживания русскоязычного населения до привлечения переводчика дело, как правило, не доходит. Более того, в регионах со значительной долей русскоязычного населения у муниципальных и государственных чиновников негласно поощряется знание русского языка или поощряется прием на работу этнических русских с хорошим знанием эстонского языка. Тем не менее доля государственных и муниципальных чиновников, врачей, полицейских, спасателей, не владеющих русским языком, медленно, но неуклонно растет.

Обязательность применения в официальном документообороте русского языка Конституция ЭР предусматривает лишь в случае задержания и ареста. Конституция Эстонии в ст. 21 предусматривает право подозреваемого, в случае выбора судом для него ареста в качестве меры пресечения, незамедлительно получить информацию об этом на понятном ему языке. В дальнейшем судебное производство ведется на государственном языке. Эту же норму содержит и Уложение об уголовном судопроизводстве (ст. 9). Также Конституция требует незамедлительного оповещения задержанного подозреваемого о его правах на его родном языке. Ст. 35-прим Уложения дополняет это требование предоставлением декларации прав задержанного на его родном языке.

Цифровая ориентация эстонского государственного и муниципального делопроизводства позволяет в информационных целях довольно широко использовать русский язык в интернете. Правительство и органы местного самоуправления, имея соответствующие службы коммуникации, создают русскоязычные версии сайтов, публикуя значительный объем данных в виде

информации для не владеющей эстонским языком общественности. Широко и подробно размещается наиболее важная информация — иной раз даже полностью дублируя эстоноязычную часть сайта. Таким неформальным «двуязычием» отличается сайт госуслуг Eesti.ee, сайт Министерства социальных дел, Департамента полиции и погранохраны, и других ведомств, которым по роду деятельности нужно общаться с русскоязычным населением независимо от степени владения этим населением эстонским языком. Но весь официальный документооборот в интернете (ходатайства, обращения, заявления, анкеты и т.д.) представлен исключительно на эстонском языке. А вот интерфейс сайта налогового-таможенного департамента в части заполнения налоговых деклараций о доходах физического лица более десяти лет функционирует в переводе на русский язык. Зато налоговые декларации юридических лиц на сайте представлены на эстонском и английском языках. Фискальное ведомство Эстонии проводит наиболее либеральную языковую политику в интернет-среде. Практически любое обслуживание возможно на эстонском и английском языках и в значительной степени на русском языке.

Уголовное производство ведется на эстонском языке, но ст. 10 Уложения гласит, что с согласия ведущего производство лица, участников процесса и сторон судопроизводства, уголовное производство может вестись и на ином языке, если они им владеют. В противном случае участникам процесса (обвиняемому, потерпевшему, свидетелю) предоставляется помощь переводчика. Услуги переводчика могут быть предоставлены и обвиняемому, если ведущий процесс судья сочтет, что обвиняемый не владеет государственным языком, но может и отказать в переводчике, если сочтет, что в этом нет необходимости. Все документы процесса должны быть составлены на эстонском языке или переведены на эстонский язык. Если обвиняемый не владеет эстонским языком, то постановление о помещении под стражу, а впоследствии приговор должны быть вручены ему в переводе на родной или понятный ему язык. Так, четыре человека, обвинявшихся в организации массовых беспорядков в апреле 2007 года, в ходе судебного процесса были обеспечены переводом на русский язык, а также оправдательный приговор суда первой инстанции был вручен им в переводе на русский язык.

Пока речь идет о задержании, дознании и судебном производстве, государство обеспечивает языковые права подсудимых, т.е. русскоговорящий задержанный, подследственный и подсудимый будет обеспечен ведением уголовного процесса с использованием

русского языка — вплоть до получения на руки приговора суда. В дальнейшем же, отбывая наказание в одной из тюрем Эстонии, он столкнется с тем, что делопроизводство в тюрьме будет вестись на эстонском языке, администрация будет отказываться принимать письменные жалобы и заявления на русском языке, мотивируя это нормами Конституции, Закона об административном производстве, Закона о языке, а также статьей 491 постановления министра юстиции № 72 от 30 ноября 2000 года. Требования предоставления жалоб, ходатайств и заявлений на эстонском языке внесены также в Правила внутреннего распорядка тюрем, где они носят обязательный характер.

Как правило, в тюрьмах Эстонии организовано обучение заключенных основам эстонского языка, что также становится основанием для отказа принимать заявления на русском языке. Заключенные имеют право на получение основного образования, в том числе и на русском языке. Получение гимназического образования возможно только на эстонском языке.

Гражданское судопроизводство (процесс и делопроизводство по процессу) ведется на эстонском языке, гласит статья 32 Закона о гражданском судопроизводстве. Ходатайства, обращения, документы предоставляются суду на эстонском языке. Перевод, выполненный в т.ч. и присяжным переводчиком, оплачивается участником процесса — истцом или ответчиком. Закон дает право не привлекать переводчика, если заявления участника процесса понятны суду и другим участникам процесса. Таким образом, устное разбирательство по гражданским искам может проходить и по-русски, но исковые заявления, справки и пр. документы должны быть на эстонском языке или переведены на эстонский.

Оказание бесплатной юридической помощи Министерство юстиции организует для ряда категорий жителей страны, преимущественно малоимущим лицам, предоставляя им бесплатную правовую консультацию, поддержку адвоката и прочие услуги в целях повышения доступности правосудия. Однако же заявление о предоставлении такой помощи согласно Закону о государственной правовой помощи ст. 12 п. 5 можно подавать только на эстонском языке и на английском языке! Таким образом, доступность правосудия ограничивается по языковому признаку.

Это положение закона вызывает критику со стороны канцлера юстиции и юридического сообщества Эстонии, в том числе в обращении канцлера юстиции к министру юстиции высказано мнение, что такое требование необоснованно и ходатайство о государственной помощи могло бы быть и переведено на госу-

дарственный язык за счет средств, выделенных на юридическую помощь со стороны государства¹. Правительство осенью 2016 года одобрило подготовленные Минюстом поправки в законодательство, расширяющие возможность предоставления государственной правовой помощи. Парламент принял 15 ноября 2017 года соответствующие поправки в Закон об оказании бесплатной правовой помощи и изменения в ряд других законов.

Минюст оказывает бесплатную правовую помощь, как правило, не прямо, а на основании договоров с юридическими фирмами и недоходными обществами. В рамках финансируемых Минюстом проектов публикуется значительный корпус неофициальных переводов эстонских законов на русский язык и размещается в Интернете для общего доступа².

Фактор владения эстонским языком на рынке труда оказывает большое влияние на положение представителей языковых меньшинств (прежде всего — русских) и в существенной степени обуславливает более высокий уровень безработицы, доступность тех или иных профессий, продвижение по карьерной и социальной лестнице и т.д.

В Эстонии в настоящее время используется 6-ступенчатая шкала уровней владения эстонским языком: от самого низкого А1 до самого высокого уровня С2 (родной язык). Шкала эта с основными требованиями, предъявляемыми для каждой ступени, зафиксирована в Законе о языке³. Общий перечень профессий и языковых требований, предъявляемых к ним, определен специальным постановлением правительства.

Ограничительный характер мер по введению экзаменов на необходимый уровень владения эстонским языком формирует две тенденции: создает фильтр для (не)допуска русскоязычного населения на государственную и муниципальную службу, не способствует конкурентоспособности в публичном секторе, тормозит продвижение по карьерной лестнице. Вторая тенденция — возникновение и сохранение этнически ориентированных трудовых коллективов, фирм и предприятий. Последней тенденции способствует тот факт, что в частных фирмах язык внутреннего делопроизводства и рабочий язык детально не регулируется Законом о языке (ст. 2 п. 2). Вопрос выбора рабочего

¹ Письмо канцлера юстиции ЭР министру юстиции ЭР от 21.03.2016 № 6-8/1414931601208.

² URL: www.juristaitab.ee (дата обращения: 30.09.2017)

³ См. Закон о языке, Приложение № 1.

языка решается на основе производственной необходимости. Так, на Эстонской железной дороге внутренним распорядком установлены два рабочих языка: эстонский и русский. Фактически два рабочих языка (эстонский и русский) используются на эстонских электростанциях в Нарве.

Кумулятивный эффект ограничительных мер в использовании русского языка наиболее ярко себя проявляет на рынке труда и занятости, в безработице и в социальной сфере. Конкуренция же на рынке труда, по мнению русского населения, осуществляется в пользу эстонцев: о равенстве возможностей получить хорошую работу говорят лишь 24% опрошенных русскоязычных жителей страны. Равенство в возможности пробиться на руководящие должности в государственных и муниципальных учреждениях констатируют лишь 16% опрошенных. Но вот в частном секторе 43% респондентов из числа русских уверены, что смогут на равных конкурировать с эстонцами¹.

Система образования в Эстонии регулируется целым пакетом законодательных актов: от рамочного Закона Эстонской Республики об образовании до Закона о дошкольных детских учреждениях и Закона об университете. Ключевым для эстонской системы образования является Закон об основной школе и гимназии. В законодательстве об образовании императивом является обязанность государства обеспечить право получения образования любого уровня на эстонском языке. Законодательство допускает иноязычное образование, сопровождающееся рядом важных оговорок и ограничений и требованием обеспечить изучение эстонского языка. Законодательство о высшем образовании допускает наличие иноязычных учебных программ, но специально оговаривает лишь существование учебных программ на английском языке, а также защиту дипломов и диссертаций на английском языке. Иные языки — кроме эстонского и английского — в законодательстве не упоминаются.

В Эстонии в настоящее время, в соответствии с законодательством на основании решений муниципальных властей, являющихся учредителями и владельцами детских садов, существуют русскоязычные детские сады, в которых изучение основ эстонского языка и культуры также является обязательным, как и владение эстонским языком воспитателями детских садов. Таким образом, закон не обязывает создавать и поддерживать дошколь-

¹ Мониторинг интеграции 2017 / Eesti Integratsiooni monitoring 2017: URL: www.kul.ee/et/EIM2017.

ные учреждения на русском языке, но в настоящее время и не препятствует этому.

Основная ступень школьного образования (начальная и основная школы) в соответствии с законом могут по решению учредителя (т.е., как правило, местного самоуправления) использовать иной язык обучения. За очень редким исключением это — русский язык. Для использования русского языка в качестве языка обучения достаточно решения учредителя — местного самоуправления.

В русских основных школах в течение многих лет практикуется т.н. языковое погружение, когда учебная работа с младших классов ведется на эстонском языке, а обучение на русском вводится постепенно и в отношении лишь части предметов. В классах языкового погружения занимается не многим более 20% учащихся русских основных школ. Доля эта остается стабильной.

Что касается гимназий, то Закон об основной школе и гимназии допускает в порядке исключения, по представлению попечительского совета гимназии, на основании ходатайства законодательного собрания местного органа самоуправления (города или волости) и с разрешения правительства, ведение учебной работы в гимназии на ином языке (т.е. учебная работа на эстонском языке составляла бы менее 60%)¹. В прошлом году на рассмотрении в правительстве находились ходатайства трех таллинских русских гимназий, поддержанные столичным законодательным собранием о сохранении в них в качестве основного языка обучения русского языка. Действующее правительство Юри Ратаса сочло политически возможным применить эту меру в качестве эксперимента, взамен потребовав от этих трех школ существенно улучшить преподавание эстонского языка как самостоятельного учебного предмета. Предыдущее правительство отказало группе таллинских и нарвских гимназий в ходатайстве о сохранении русского языка преподавания.

Требование эстоноязычного гимназического образования предусмотрено и в Законе о частной школе (ст. 15) в случае, если соучредителем, собственником или акционером такой частной школы выступает местное самоуправление или государство. Если муниципалитет или государство в учреждении или капитале частного учебного заведения не участвуют, то язык обучения может быть любой, если обеспечивается необходимое обучение и государственному языку.

¹ Закон об основной школе и гимназии Ст. 21 п. 3.

Закон о профессиональных учебных заведениях, вступивший в силу в 2013 году, предусматривает в качестве языка учебных программ эстонский язык (ст. 29). Полный и обязательный переход к обучению на эстонском языке должен быть завершён к 2020 году (ст. 57). Эти требования не относятся к учебным программам на основе международных договоров. Закон, конечно, допускает обучение на ином языке, которое должно сопровождаться изучением государственного языка и сдачей либо экзамена на знание эстонского языка, либо профессионального экзамена на эстонском языке. Надо отметить, что учреждать профессиональные учебные заведения могут как местные самоуправления, так и государство в лице Министерства образования и науки. Учредители и определяют язык учебных программ. Финансирование учебных программ осуществляется на основе государственного заказа.

Предоставление высшего образования в Эстонии регулируется Законом об университете, Законом о прикладном высшем учебном заведении, постановлением правительства о Стандарте высшего образования, а также соответствующими университетскими уставами и решениями советов университетов. Эстонское законодательство фиксирует, что языком обучения является эстонский язык, и в этом случае высшее образование в государственных ВУЗах предоставляется бесплатно¹. В прикладном вузе иной язык обучения допускается лишь с разрешения министра, в чьем ведении находится прикладной вуз (ст. 17). В университете решение об ином языке обучения принимает университетский совет (ст. 22). Но за такое иноязычное обучение университет может взимать плату.

Можно сказать, что в настоящее время государственные вузы Эстонии уже практически не предлагают учебных программ на русском языке. За редким исключением. Так, учебные программы на базе русского языка предлагает в Кохтла-Ярве Вирусский колледж Таллинского технического университета и Нарвский колледж Тартуского университета. Последний готовит педагогов для детских садов и начальной школы, преподавателей эстонского языка и английского языка для русских школ. Таллинский университет, например, ликвидировал т.н. Екатерининский колледж, специально созданный за несколько лет до этого для обучения выпускников русских гимназий. Высшее образование на русском

¹ Бесплатное высшее образование на эстонском языке было введено в Эстонии с 2013 года по инициативе партии Союз Отечества и Республика.

языке в настоящее время предлагают несколько частных вузов. Однако их число год от года сокращается. Подготовка же преподавателей-предметников для работы в школе с русским языком обучения не ведется вовсе.

Изучение русского языка в школах с эстонским языком обучения в качестве первого или второго иностранного языка сохраняется и по сей день. Русский язык в эстонской школе занимает второе место, уступая только английскому. В 2016/2017 учебном году русский язык как иностранный, по данным Министерства образования и науки, изучали в Эстонии 49 297 школьников и гимназистов, т.е. примерно каждый третий эстонский школьник. С другой стороны, в 2016 году государственный экзамен по русскому как иностранному выбрали лишь 207 выпускников гимназий и 61 выпускник гимназий для взрослых. Существует в Эстонии ассоциация преподавателей русского языка в эстонской школе. Регулярно проводятся олимпиады, конкурсы, организуется дополнительное обучение. Отметим, что, по самооценке эстонцев (старше 15 лет), 21 процент опрошенных свободно владели русским языком, 27% могут понимать, говорить и писать, а 29% понимают и немного говорят.

По состоянию на 2017 год русскоязычное население оценивало свою осведомленность как хорошую и очень хорошую в отношении местной жизни, как на уровне города, так и республики (соответственно, 83% и 81% опрошенных), 63% респондентов полагали такой же высокой свою осведомленность о происходящем и в России. Доминирующими источниками информации, которые опрошенные русские жители Эстонии называли «очень важными и довольно важными», по данным мониторинга интеграции, являются российские телеканалы, а также новости *Первого Балтийского канала* (соответственно, 71 и 70 % респондентов); 62% опрошенных выделили программу эстонского телевидения *Актуальная камера на русском языке*; 57% — выходящие в Эстонии русскоязычные газеты, 54 % — эстонские новостные порталы на русском языке и т.д. *Эстонское телевидение* как важный источник информации указали лишь 27% русскоязычных респондентов, эстонские газеты — 23%, а новостные порталы — 24%. Эти цифры очевидно коррелируют с массовым уровнем владения эстонским языком, ибо систематическое потребление эстонского телевидения, радио и газет предполагает достаточно высокий уровень владения эстонским языком. Примечательно, что практикующееся в эстонских тюрьмах ограничение отбывающим наказание заключенным доступа к электронным СМИ исключительно эстонскими телека-

налами вызывает нарекания и жалобы со стороны заключенных, чей родной язык русский.

В Эстонии за последние десять лет существенно изменился ландшафт СМИ на русском языке. В настоящее время уже не выходит ни одной ежедневной общереспубликанской газеты на русском языке — ни самостоятельной, ни переводной с эстонского. В стране остались три еженедельника на русском языке, два из которых, по сути дела, являются франшизами *Комсомольской правды* и *Московского комсомольца*, дополненными некоторым количеством местных материалов. Третий еженедельник — *Деловые ведомости* — узкоспециализированное бизнес-издание, интегрированное в эстонское бизнес-издание *Äripäev*. В столице выпускается на эстонском и на русском языке с периодичностью два-четыре раза в месяц издание городских властей *Столица* и работает одноименный интернет-портал, ориентированные на правящую в городе Центристскую партию, а также ряд рекламных бесплатных изданий. В еженедельном режиме выходят на русском языке местные издания в городах северо-востока Эстонии. В розничной торговле достаточно широко представлены журналы и другие периодические издания из России. Есть возможность подписки.

В Эстонии нет специального закона о СМИ, который регулировал бы и язык печатных СМИ. Поэтому печатные издания исходят из конституционного принципа свободы распространения информации. Язык печатных СМИ не подпадает под определение официального языка, а в подавляющем большинстве случаев печатные СМИ носят частноправовой характер. В случае муниципальных изданий они выходят наряду с эстонскими и в целях распространения информации. Закон о языке серьезно ограничивает регулирование использования языка частноправовыми юридическими лицами и физическими лицами лишь защитой общественных интересов, давая исчерпывающее перечисление последних (ст. 2 п. 2). Печатные СМИ в этот перечень не входят.

Закон о языке регулирует подачу и трансляцию аудиовизуального произведения, т.е. прежде всего телевидение. Аудиовизуальное произведение должно сопровождаться переводом на эстонский язык (ст. 18 п. 1), а чиновники обязаны выступать в СМИ Эстонии лишь на эстонском языке (ст. 10 п. 4). Поэтому как публично правовое телевидение на русском языке, так и частные кабельные каналы при показе иноязычных фильмов и передач в обязательном порядке снабжают их субтитрами на эстонском языке. Без перевода на эстонский язык допускаются лишь учебные теле- и радиопередачи, ретрансляция передач, новости собствен-

ного производства и прямой эфир на русском языке. Но общий объем такого, например, русскоязычного эфира без перевода не может превышать 10% от недельного объема передач собственного производства. От перевода освобождаются и радиопередачи, направленные на иностранного слушателя.

Таким образом, данные нормы эстонского законодательства составляют юридическую базу для созданного в рамках *Эстонского национального телерадиовещания* русскоязычного телеканала *ЭТВ+* для противостояния «гибридной угрозе», а также работающего уже четверть века публично-правового русскоязычного радио (*Радио-4*), русских телеканалов и передач в рамках коммерческого вещания (например, телевещания *Первого Балтийского канала*, приобретающего львиную долю в основном развлекательного контента у российского *Первого канала*), русского кабельного телевидения, нескольких русскоязычных радиостанций. Телевизионные каналы на основании договоров значительную часть времени ретранслируют русскоязычные каналы без перевода и субтитров. Кабельное телевидение и *ЭТВ+*, покупая русские программы и создавая собственный контент, снабжает его субтитрами, а прямой эфир оставляют без перевода в пределах 10% времени вещания. Публично-правовое *Радио-4* работает полностью на русском языке, а коммерческие радиостанции в значительной степени передают музыку или ретранслируют передачи, например *Радио России*, *Радио Свобода* или *Эхо Москвы*, вписываясь в предоставленные законом рамки.

Язык интернета практически не регулируется, за исключением требования к коммерческим учреждениям (в том числе и СМИ) иметь на своем сайте как минимум обобщающую информацию на эстонском языке. Ведущие медиа активно переносят контент в интернет. Все ведущие издательские группы, а также публично-правовое радио и телевидение имеют развитые сайты на русском языке, где все чаще и во все большем объеме размещается также аудио- и видеоконтент на русском языке без перевода на эстонский язык. Ряд законодательных актов, регулирующих работу электронных СМИ, касаются прежде всего технических и коммерческих вопросов, лишь уточняя или конкретизируя требования Закона о языке.

Как постоянно отмечают эстонские социологи и политические аналитики, русское население Эстонии одновременно находится и в местном русскоязычном, и в российском, и в местном эстоноязычном «информационных полях». Метафора «инфополя» призвана обозначить совокупность разнообразных информаци-

онных источников (преимущественно СМИ), классифицируемых по языку передачи информации и стране происхождения источника. К тем или иным информационным полям относятся и популярные социальные сети.

Главная проблема СМИ на русском языке — не ограничения по языковому признаку, а либеральная и рыночная модель СМИ в Эстонии, которая позволяет выживать только интегрированным в крупные медиакомпании русскоязычным СМИ и вытесняет с рынка независимые частноправовые русские СМИ. При этом до настоящего времени эстонские власти занимали принципиальную позицию и отказывались, например, административно запрещать или ограничивать вещание российских телеканалов.

В отношении наружной рекламы и объявлений Закон о языке (ст. 16 п. 1) гласит, что указатели, вывески, наружная реклама должны быть на эстонском языке, а ст. 16 п. 2 отмечает, что к рекламе, вывеске, указателю можно добавить перевод текста на иной язык, но только так, чтобы эстонский текст был на первом месте и виден как минимум не хуже перевода.

Географические наименования: названия городов, поселков, рек, географических пунктов, местностей, регионов, равно как и названия улиц, переулков, мостов, примечательных природных или культурных объектов определяются в Эстонии Законом о языке и специальным Законом о географических названиях. По общему правилу, закрепленному в Законе о географических названиях, таковые в Эстонии должны быть на эстонском языке (ст. 9 п. 1); также все географические названия вносятся в специальный государственный регистр. Из этого правила допускаются исключения по культурно-историческим соображениям и с учетом языка населения данной местности по состоянию на 27 сентября 1939 года. Фактически же речь идет о шведских топонимах на западном побережье Эстонии в тех географических пунктах, где по состоянию на указанную в законе дату проживало шведское меньшинство. Для этих населенных пунктов используется наряду с эстонским и шведское название. Для мест традиционного компактного проживания русского меньшинства, например в Причудье, таких исключений не сделано.

Примечательно, что под действие Закона о географических названиях и Закона о языке подпадают и таблички с названиями улиц, которые тоже могут быть только эстоноязычными и не снабжаются переводом или транскрипцией на ином языке. По разъяснению директора Языковой инспекции, только если надпись не является обозначением официального географического

названия местности, но содержит последнее в рамках информационного сообщения, название может быть наряду с эстонским переведено и на русский язык и написано кириллицей¹. Например: вывеска «Kohvik Tallinn / Кафе Таллинн».

Эстонское законодательство требует написания имен и фамилий только с использованием эстонско-латинского алфавита. Это требование зафиксировано в ст. 5 п. 1 Закона об именах. Правила транскрипции иноязычных имен, написание которых использует, например, кириллицу, утверждается правительством (ст. 3 п. 3 и ст. 5 п. 6). Особенности правописания и фонетики эстонского языка таковы, что, как правило, русские имена могут быть переданы при помощи эстонско-латинского алфавита без искажений, но правила транскрибирования ряда звуков и букв отличаются от принятых в России и ряде стран Европы, таким образом, вполне возможно различное написание имен и фамилий латинскими буквами в Эстонии и, скажем, во Франции, что, в свою очередь, может привести к проблемам при идентификации личности. Также эстонское законодательство об именах признает только имя и фамилию (ст. 3 п. 1), но не признает патронима (отчества). Отказ вносить в паспорт гражданина Эстонии наряду с именем и фамилией еще и патроним (отчество) подтвержден решением Государственного суда.

¹ Ilmar Tomusk: kas tänavasilt võib olla venekeelne // Postimees, 5.09.2017.

Подводя итоги

Цель современной языковой политики эстонских властей или политических групп, претендующих на политическую власть и даже только на формирование соответствующего политического дискурса, заключается в том, чтобы форсировать окончательное вытеснение русского языка из общественной жизни и маргинализировать его до уровня домашнего и общинного языка русского меньшинства.

Каждый год влиятельными эстонскими интеллектуалами готовится отчет о человеческом развитии. В соответствующем отчете за 2017 год¹ поставлена проблема интеграции в эстонское общество представителей иноязычных меньшинств, в т.ч. и русского путем дальнейшего повышения значения эстонского языка. Этот лозунг является традиционным и даже рутинным. Новым является концепт, в котором эстонский язык должен стать основой объединения общества, создания единой системы образования — от детского сада до гимназии — на базе эстонского языка. Наличие в Эстонии детских садов с русским языком обучения, русских школ, преимущественно русских трудовых коллективов и т.д. рассматривается как проявление сегрегации, заложенной еще с советских времен. Преодоление такой сегрегации мыслится исключительно посредством расширения сферы употребления эстонского языка в т.ч. и меньшинствами.

Декларируемые Конституцией Эстонской Республики и предусмотренные Законом о языке права национальных и лингвистических меньшинств на использование меньшинственных языков в официальном делопроизводстве (в т.ч. и устном делопроизводстве) на региональном уровне ни в коем случае нельзя назвать даже полуофициальным эстонско-русским двуязычием, так как официально эстонский язык остается единственным законным языком делопроизводства, а использование русского языка — результат временного политического решения с целью обеспечения устойчивого административного и политического управления на региональном или государственном уровнях.

¹ URL: <https://inimareng.ee> (дата обращения: 30.09.2017).

Периодически высказываемые эстонскими интеллектуалами концепты о преодолении «сегрегации» посредством погружения иноязычного населения в эстонскую языковую среду, начиная с дошкольного возраста, перерастают в политические требования ряда парламентских партий начать обучение эстонскому языку русскоязычных детей с детского сада в обязательном порядке. Такие инициативы могут в будущем составе Риигикогу (парламента) привести к попыткам законодательно ограничить использование русского языка в дошкольных заведениях, которые посещают дети представителей русского и русскоязычного населения, т. е. законодательно ограничить права местных самоуправлений на определение языка обучения в дошкольных учреждениях, учредителями и владельцами которых они являются.

Отметим, что, как и в случае дошкольных учреждений, существование начальной и основной ступеней школьного образования на русском языке не является обязательной нормой закона, но лишь допускается местными органами власти из социальных, административных и политических соображений. Гимназическая ступень школьного образования на русском языке полностью зависит от политической позиции общественности, местной власти и правительства. Закон же лишь допускает со стороны высшей государственной власти то или иное решение.

Самой спорной и болезненной для русского населения республики стала норма Закона об основной школе и гимназии, на основании которой с 1 сентября 2011 года в т. н. русских гимназиях был закончен переход к преподаванию в основном на эстонском языке. Закон допускает преподавание в гимназиях лишь на эстонском языке. Эстонской считается гимназия, где не менее 60% учебной работы проводится на эстонском языке. В настоящее время все гимназии в Эстонии формально считаются гимназиями с эстонским языком обучения, в том числе и те, где практически весь состав преподавателей и учеников принадлежит к русскоязычному меньшинству. Отметим, что за прошедшие семь лет так и не произошло реального слияния гимназической ступени школьного образования в единую эстонскую гимназию. Бывшие русские гимназии так и остались гимназиями для русского и русскоязычного населения, в которых обучение ведется на неродном эстонском языке.

В случае профессионального образования соответствующее обучение на русском языке, которое и по сей день достаточно широко представлено в Таллине и на северо-востоке Эстонии, не гарантировано законом, а является результатом политического

решения и в значительной степени конъюнктурой рынка труда, на котором в настоящее время сужается предложение квалифицированной рабочей силы.

Законодательные нововведения последних лет, конечно, не исключили саму возможность получения образования, например, на русском языке, но существенно усилили ее зависимость от принятия или не принятия соответствующих административных и политических решений на всех уровнях, от местных органов власти до министерств и правительства в целом. Отдельные законопроекты, еще более сужающие возможности использовать русский язык в общении с государственными органами, в настоящее время не находятся на рассмотрении парламента, но в случае изменения политической конъюнктуры, смены правящей коалиции и т. д. вполне могут быть внесены в парламент, чтобы стать более жестким инструментом современной этнополитики.

Использованные нормативные акты

Конституция Эстонской Республики / Eesti Vabariigi põhiseadus // RT¹ I, 15.05.2015, 2.

Закон о языке / Keeleseadus // RT I, 31.12.2015, 22.

Закон об административном делопроизводстве / Haldusmenetluse seadus // RT I, 25.10.2016, 5.

Закон об органах местного самоуправления / Kohaliku omavalitsuse korralduse seadus // RT I, 04.07.2017, 19.

Закон о географических названиях / Kohanimeseadus // RT I 2003, 73, 485.

Закон о гражданском судебном делопроизводстве / Tsiviilkohutumenetluse seadustik // RT I, 26.06.2017, 52.

Закон о государственной правовой помощи / Riigi õigusabi seadus // RT I, 28.12.2016, 17. URL: <http://www.riigioigusabi.ee/> (дата обращения: 20.09.2017).

Письмо канцлера права министру юстиции «О языковых требованиях к ходатайству о государственной правовой помощи». URL: http://www.ekou.ee/doc/2016-03-21_OK-hinnang_menetlusabi-keel.pdf (дата обращения: 29.09.2017).

Закон об уголовном делопроизводстве / Kriminaalmenetluse seadustik // RT I, 26.06.2017, 22.

Закон о предоставлении медийных услуг / Meediateenuste seadus // RT I, 04.03.2015, 14.

Закон о национальном телерадиовещании / Eesti Rahvusringhäälingu seadus // RT I, 13.03.2014, 20.

Закон Эстонской Республики об образовании / Eesti Vabariigi haridusseadus // RT I, 23.03.2015, 254.

Закон об основной школе и гимназии / Põhikooli ja gümnaasiumiseadus // RT I, 04.07.2017, 40.

Закон об университете / Ülikooliseadus (lühend – ÜKS) // RT I, 20.12.2016, 2.

Закон о защите потребителя / Tarbijakaitseseadus // RT I, 21.06.2017, 7.

¹ Riigi teataja — издание, публикующее принятые парламентом Эстонии законы и принятые эстонским правительством постановления.

Требования к владению и использованию языка, предъявляемые к чиновникам, работникам и физическим лицам — предпринимателям. Постановление правительства / Ametniku, töötaja ning füüsilisest isikust ettevõtja eesti keele oskuse ja kasutamise nõuded // RT I, 28.06.2014, 82.

Закон о дошкольных детских учреждениях / Koolieelse lasteasutuse seadus (lühend — KELS) // RT I, 04.07.2017, 37.

Закон о прикладном высшем учебном заведении / Rakenduskõrgkooli seadus // RT I, 20.12.2016, 3.

Закон о частной школе / Erakooliseadus // RT I, 04.07.2017, 35.

Стандарт высшего образования. Постановление правительства / Kõrgharidusstandard // RT I, 23.08.2016, 6.

Сведения об авторе:

Никифоров Илья Владимирович — историк и журналист, член Русского Академического общества Эстонии, соавтор фундаментальной книги: Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 2013 (ilja58@gmail.com).

Научное издание

Илья Никифоров

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
АДМИНИСТРАТИВНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРАВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЭСТОНИИ**

Ответственный редактор *Г. Пернавский*

Художественный редактор *М. Левыкин*

Технический редактор *Н. Атауллина*

Верстка *Р. Фахрутдинов*

Корректор *Д. Мельник*

Подписано к печати 20.07.2018. Формат издания 84x108^{1/32}.

Гарнитура «Грета Текст Про». Печать офсетная.

Бум. офс. Усл. печ. л.

Тираж 150 экз.